

СТРАТЕГИЯ АПЕЛЛЯЦИИ К АВТОРИТЕТУ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕМ ДИСКУРСЕ

*Надежда Николаевна Казыдуб,
orcid.org/0000-0002-6667-3967,
доктор филологических наук, профессор
Сибирский федеральный университет,
пр. Свободный, 79
Красноярск, 660041, Россия
nadejda_kazydoub@mail.ru*

*Анастасия Евгеньевна Базарова,
orcid.org/0000-0001-7161-8105,
Сибирский федеральный университет,
пр. Свободный, 79
Красноярск, 660041, Россия
anastasiae.m@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются способы актуализации одной из легитимирующих стратегий – стратегии апелляции к авторитету – в англоязычном интерпретирующем дискурсе на примере интерпретации переводчиком и комментатором древнеиндийского текста «Бхагавад-гита». На основе анализа эмпирического материала выявлены объекты апелляции, а также основные способы актуализации стратегии апелляции к авторитету: модализация, метафоризация, аналогия, использование прецедентных феноменов.

Ключевые слова: языковая интерпретация, аксиологические стратегии, легитимация ценностей, апелляция к авторитету, Бхагавад-гита.

STRATEGY OF AUTHORIZATION IN THE ENGLISH LANGUAGE INTERPRETATIVE DISCOURSE

*Nadezhda N. Kazydub,
orcid.org/0000-0002-6667-3967,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Siberian Federal University,
79, Svobodny avenue
Krasnoyarsk, 660041, Russia
nadejda_kazydoub@mail.ru*

*Anastasia E. Bazarova,
orcid.org/0000-0001-7161-8105,
Siberian Federal University,
79, Svobodny avenue
Krasnoyarsk, 660041, Russia
anastasiae.m@mail.ru*

Abstract. The article explores some methods of actualizing one of the legitimation strategies, namely, authorization, in the English language interpretative discourse. As an example of such a discourse the interpretation of the ancient Indian text “Bhagavad-gita” suggested by the translator and commentator is studied. The article features a number of categories used for authorization in this discourse and outlines methods of actualizing the authorization strategy: using modal operators and precedent names, metaphorization, analogy.

Keywords: linguistic interpretation, axiological strategies, values legitimation, authorization, Bhagavad-gita.

Introduction (Введение)

Современный мир в его многомерности и динамичности порождает разнообразные коммуникативные среды, состоящие из множества дискурсивных практик с присущими им правилами интерпретации. Рассмотрение различных дискурсивных практик не только с позиции статики, но и в динамической перспективе, является характерной чертой современных дискурсивных исследований, поскольку взгляд на реальность языка и дискурса с позиции эпистемы статики-динамики «открывает путь к “здесь и сейчас” осуществляющейся дискурсивной целостности» [Динамика и статика..., 2021, с. 5]. Механизм языковой интерпретации как явление, занимающее особое место в лингвокогнитивной деятельности человека, как раз репрезентирует динамический аспект дискурсивной реальности.

Discussion (Дискуссия)

В соответствии с тезисом В.И. Карасика, наибольший потенциал вариативной интерпретации заложен именно в бытийном дискурсе. Ср.: «Взаимопонимание в бытийном дискурсе есть идеал, а в бытовом дискурсе – норма» [Карасик, 2016, с. 59]. Так, на протяжении всей истории человечества древние тексты, иносказательные притчи, философские труды, писания и т.п. вызывали значительный интерес как объекты осмысления и комментирования. Тем не менее, не только комментирование, но и перевод подобных текстов на другой язык представляется возможным рассматривать в русле языковой интерпретации, поскольку переводчик заново воссоздаёт представленные в тексте образы средствами другого языка, что подтверждает М. Сидиропулу: «переводчики <...> выполняют задачу интерпретации – передать репрезентации носителя посредством прямого перевода, парафразов сжатых изложений и синтеза, делая их понятными читателю» [Sidiropoulou, 2013, p. 97; перевод А.Е. Базаровой]. В особенности это касается переводчиков-интерпретаторов, далеко отстоящих во временном и культурном плане от автора текста, которым необходимо преодолевать «пространственно-временную разделённость в реальном мире», причём зачастую не только для себя, но и для читателя [House, 2006, p. 343; перевод А.Е. Базаровой].

Показательным примером древнего текста, представляющего интерес для современных переводчиков, является древнеиндийская «Бхагавад-гита» – философская часть эпоса «Махабхарата». Особый интерес в рамках исследования переводов и комментариев данного культурного артефакта как

интерпретирующего дискурса представляют стратегии легитимации ценностей, в частности, ценности ученичества, находящейся в фокусе данного исследования. Одной из основных стратегий легитимации, обозначенных Т. Ван Ливеном [Leeuwen, 2008], является стратегия апелляции к авторитету, которая широко применяется переводчиками и комментаторами древних текстов.

Целью настоящего исследования является рассмотрение способов и средств реализации стратегии апелляции к авторитету в англоязычном интерпретирующем дискурсе. К числу основных задач исследования относятся: 1) выделение объектов апелляции; 2) описание языковых средств, посредством которых реализуется стратегия апелляции к авторитету.

Теоретическую базу данного исследования составляют работы в области дискурса (В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова), языковой интерпретации (Н.Н. Болдырев, А.Л. Шарандин), дискурсивного конструирования (Н.Н. Казыдуб, С.Н. Плотникова, Z. Kövecses), технологизации дискурса (С.Н. Плотникова), стратегий легитимации (А.В. Колмогорова, А.В. Козачина, М. KhosraviNik, T. Van Leeuwen), а также концептуальной метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Z. Kövecses).

Одна из основных посылок для настоящего исследования заложена в определении дискурса Е.С. Кубряковой. Согласно исследователю, дискурс определяется как «такая форма использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова, 2004, с. 525]. Из данного определения следует, что дискурс социален и является социальным действием, а также то, что результатом дискурса является конструирование «особого мира». Этот «особый мир» не является точным отражением реальности – в рамках дискурса реальность конструируется его участниками. Под конструированием исследователями понимается выбор способов языковой объективации ментальных структур, который всегда вариативен [Kövecses, 2006]. Несомненно, вариативность прежде всего зависит от субъекта дискурса – «особый мир» конструируется им как «мир-со-мною» [Плотникова, 2014, с. 41]. В связи с этим приобретает критическую значимость явление языковой интерпретации: познание «не может быть бессубъектным» [Шарандин, 2017, с. 10]. Результат структурирования того или иного знания и его дискурсивная репрезентация непосредственно зависят от субъекта. Н.Н. Болдырев в статье «Когнитивные доминанты языковой интерпретации» выделяет два типа когнитивных схем, актуализируемых в процессе языковой интерпретации – *общие схемы*, характеризующие интерпретатора как представителя определённой культуры, социума и т.п., и *частные схемы*, в которых выражена специфика индивидуальных концептуальных систем [Болдырев, 2019, с. 46]. Так, в рамках дискурсивного

конструирования субъектом могут воспроизводиться как социокультурные, так и индивидуальные ценности.

Также важно понимать, что помимо фактора интерпретатора в процессе конструирования важен и фактор реципиента, что в особенности верно для перевода и комментариев, предназначенных для широкой аудитории, – в нём заложен потенциал для конституирования общества: «дискурс конститутивен потому, что благодаря ему поддерживается и воспроизводится социальный статус-кво, а также потому, что дискурс способствует его трансформации» [KhosraviNik, 2015, p. 54; перевод А.Е. Базаровой]. Интерпретатор способен трансформировать ценностное восприятие реципиентом того или иного явления или образа – например, образа ученика. Так, в задачи интерпретатора может входить встраивание реципиента в собственную систему ценностных координат, реализуемое посредством аксиологических стратегий.

В настоящем исследовании в фокусе научной рефлексии находится одна из аксиологических стратегий легитимации, предложенных Т. Ван Ливеном, – стратегия апелляции к авторитету (authorization) [Leeuwen, 2008]. Сущность данной стратегии состоит в обращении к авторитету, имеющему институциональное закрепление (например, обычаи, законы или известная личность). Как правило, авторитет, являющийся объектом апелляции, не ставится под сомнение, а его истинность принимается как обязательная посылка: например, «мы правы, потому что мы следуем Библии» в дискурсе христианской проповеди. Такие послышки также называются топосами [KhosraviNik, 2015]. Т. ван Ливеном также выделяется ряд субстратегий в рамках стратегии апелляции к авторитету: (1) апелляция к личному/безличному авторитету; (2) апелляция к авторитету примера для подражания (role model); (3) апелляция к авторитету эксперта; (4) апелляция к авторитету законов, традиций, предписаний; (5) апелляция к авторитету большинства – «потому что все так делают» [Leeuwen, 2008]. В отдельном дискурсе данные субстратегии конкретизируются посредством описания более узких категорий. В данном исследовании мы акцентируем внимание на легитимации ценности ученичества и дискурсивном конструировании образа ученика посредством стратегии апелляции к авторитету. Центральным является вопрос о том, какие категории служат объектами апелляции и какими способами и языковыми средствами реализуется данная стратегия.

Materials and methods (Материалы и методы)

Данное исследование было проведено на основе анализа 70 контекстов, отобранных из наиболее популярного перевода и комментария к «Бхагавад-гите» индийского автора Бхактиведанты Свами – «Бхагавад-гита как она есть» [Bhaktivedanta Swami, 1988]. Основными методами, применяемыми в ходе настоящего исследования, являются контекстуальный метод, метод прагматической интерпретации, а также методы стилистического, лингвоаксиологического и интерпретативного анализа.

Results (Результаты)

В ходе исследования были выявлены объекты и субстратегии апелляции к авторитету (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Субстратегии апелляции к авторитету

Субстратегия	Объекты апелляции	Число контекстов
(1) апелляция к личному/безличному авторитету	Герои произведения (если апеллируют сами к себе)	2
	религиозная мораль/религиозные предписания	4
	собственно «Бхагавад-гита»	6
	др. безличный авторитет	6
(2) апелляция к авторитету эксперта	Мудрецы	7
	Другие авторитеты	13
(3) апелляция к авторитету примера для подражания	Герои произведения (в частности, Арджуна)	20 (16)
(4) апелляция к авторитету традиции	Ученическая преемственность	12
(5) апелляция к авторитету большинства	–	–

Из представленных выше данных следует, что наиболее распространёнными субстратегиями в рамках рассматриваемой интерпретации Бхагавад-гиты является **апелляция к примеру для подражания**, в качестве которого выступают **герои произведения** – Арджуна (как идеальный ученик) и Кришна (как идеальный учитель). Данная субстратегия в абсолютном большинстве случаев вербализуется прецедентными именами собственными:

(1) *Kṛṣṇa is therefore the original spiritual master of the science of Bhagavad-gītā, and Arjuna is the first disciple for understanding the Gītā* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 76].

Также на данную категорию указывают лексемы *the Lord, the speaker* (Кришна), *the receiver* (Арджуна). Частотность апелляции к авторитету героев произведения может быть обусловлена тем, что в системе ценностных координат интерпретатора образы героев Бхагавад-гиты обладают статусом ролевой модели, и, применяя данную субстратегию, интерпретатор вводит реципиента в собственную систему координат, формируя восприятие образов героев (в особенности Арджуны) как примера для подражания и воплощения ценности ученичества.

Достаточно широко используются субстратегии апелляции к эксперту и к авторитету традиции, в частности, ученической преемственности. **Апелляция к авторитету эксперта** в рассматриваемом дискурсе принимает две формы: обращение к авторитету мудрецов и апелляция к другим авторитетам. На категорию **мудрецы** указывают прецедентные имена

собственные мудрецов древности – *Nārada, Asita, Devala, Vyāsadeva*, а также собирательные наименования данной категории – *the wise, sages*.

(2) *Those who are wise lament neither for the living nor for the dead* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 80].

На категорию **другие авторитеты**, которые являются носителями экспертного знания, указывают следующие лексемы: *authorities, great personalities, the experienced, learned scholars, self-realized souls* и т.п.

(3) *The self-realized souls can impart knowledge unto you because they have seen the truth* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 233].

Субстратегия апелляции к авторитету традиции чаще всего находит выражение в обращении к авторитету **ученической преемственности** – традиции передачи знания по непрерывной цепи от учителя к ученику. В качестве обязательной посылки (топоса) здесь принимается тезис о том, что «*ученическая преемственность сохраняет знание в первоизданном виде, поэтому её представитель прав*». Центральная лексема для данной категории – *disciplic succession*, но также присутствует *paramparā* (санскритский термин для того же явления).

(4) *O Kṛṣṇa, maintainer of the people, I have heard by disciplic succession that those whose family traditions are destroyed dwell always in hell* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 63].

Рассмотрим другие, менее частотные, объекты апелляции. В рамках стратегии апелляции к авторитету присутствует обращение к **религиозной морали и религиозным предписаниям**. Данная категория репрезентируется такими лексемами и словосочетаниями, как *scriptural codes, injunctions, rules and regulations*.

(5) *Such injunctions for saintly persons are more important than any political emergency* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 58].

При апелляции **непосредственно к «Бхагавад-гите»** ключевую роль играют упоминание названия книги и прямая цитация. Как отмечает Т. Ван Ливен, подобный авторитет закона, правил и т.п. относится к категории «безличного авторитета» [Leeuwen, 2008, с. 108]. Апелляция к безличному авторитету в особенности распространена в дискурсе комментирования Древней и Средневековой Индии – в качестве свидетельства часто приводятся прямые цитаты из книг, имеющих статус священных, а также правила санскритской грамматики.

Далее рассмотрим способы актуализации стратегии апелляции к авторитету. Следует отметить разнообразный инструментарий реализации данной стратегии, который позволяет автору и интерпретатору достичь своей цели, ведь «эффективный дискурс понимается как достижение замысла коммуникации» [Демьянков, 1989, с. 15]. Так, некоторые из способов могут применяться как *технологии дискурса* [Плотникова, 2015] с целью того или иного воздействия на реципиента и воплощаться как *дискурсивная сила* – «качество дискурса, определяющее возможности и средства воздействия и/или взаимодействия адресанта с адресатом, которые имеют значимость для контроля общественного сознания» [Якоба, 2018].

В результате комплексного анализа эмпирического материала были выявлены следующие способы актуализации стратегии апелляции к авторитету в рассматриваемом дискурсе.

1. Употребление лексем с семантикой следования, повиновения, директивности

Апелляция к авторитету может также принимать форму облигаторности в высказывании, исходящем от авторитетной личности [Leeuwen, 2008; Kolmogorova et al., 2020]. Облигаторность может быть выражена посредством лексем с семантикой следования и директивности, таких как глагол *to follow* или глагол *to advise* в страдательном залоге:

(6) *One should, therefore, follow the path of Bhagavad-gītā as it is expressed in the Gītā itself* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 24].

(7) *Besides that, saintly persons are advised to forgive* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 58].

2. Модализация

Ещё один способ выражения той или иной степени облигаторности – модализация. Модализация здесь понимается как «процесс передачи интенционального состояния посредством модальных операторов» [Казыдуб, 2020, с. 147]. Модализация часто используется как способ побуждения реципиента к принятию ценностной системы координат субъекта дискурса. В англоязычном интерпретирующем дискурсе представлен широкий спектр использования модальных операторов, выражающих разную степень облигаторности:

(8) *One should try to follow the disciplic succession from Arjuna* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 195].

(9) *We have to accept perfect knowledge which comes down, as is stated in Bhagavad-gītā, by the paramparā* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 14].

(10) *One must approach a person who is already in the practice* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 28].

(11) *One cannot reach the real point of factual knowledge without being helped by the right person who is already established in that knowledge* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 63].

3. Употребление лексем с семантикой экспертности

Данный способ непосредственно соотносится с субстратегией апелляции к авторитету эксперта и является важнейшим инструментом её актуализации. В качестве лексем-репрезентантов компетенции эксперта, как правило, выступают оценочные прилагательные (*experienced*) или имена существительные, передающие значение авторитетности (*authority, sage*):

(12) *However, one must learn it from an experienced person* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 28].

(13) *Arjuna bases his argument not on his own personal experience, but on what he has heard from the authorities* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 63].

(14) *The Lord therefore advises us to approach a bona fide spiritual master in the line of disciplic succession* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 233].

4. Использование прецедентных имён

Использование прецедентных имён, обладающих аксиологической значимостью, обладает значительным аргументативным потенциалом и тем самым расширяет диапазон дискурсивного воздействия. В исследуемом дискурсе интерпретатор апеллирует не только к именам собственным героев произведения, но также к именам известных мудрецов, упоминаемых в ведийской и пуранической литературе и имеющих прецедентный характер для ведийской литературы:

(15) *Kṛṣṇa is accepted <...> not only by himself but by authorities like Nārada, Asita, Devala and Vyāsadeva* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 5].

(16) *Lord Kṛṣṇa did not approve of the so-called compassion of Arjuna for his kinsmen* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 66].

5. Аналогия

Стратегия апелляции к авторитету также актуализируется посредством аналогии, которая всегда носит легитимирующий характер. В таком случае для реципиента «ответом на вопрос “почему я должен это делать” будет не “потому что это хорошо”, а потому что “это подобно другому действию, которое ассоциируется с позитивными ценностями”» [Leeuwen, 2008, p. 111-112; перевод А.Е. Базаровой]. Приведём пример легитимации ценности принятия учителя «Бхагавад-гиты» посредством следующей аналогии:

(17) *If we want to take a particular medicine, then we have to follow the directions written on the label. We cannot take the medicine according to our own whim or the direction of a friend. It must be taken according to the directions on the label or the directions given by a physician. Similarly, Bhagavad-gītā should be taken or accepted as it is directed by the speaker Himself* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 3].

Так, принятие лекарства согласно инструкции – образец правильного, позитивного поведения. Аналогичным образом осмысливается и постулируется принятие «Бхагавад-гиты» в соответствии с указаниями учителя.

6. Метафоризация

Способ метафоризации отражает лингвокреативность языковой личности и представляет собой лингвокогнитивный механизм осмысления и структурирования того или иного объекта или явления интерпретатором и реципиентом в соответствии с определением метафоры в русле когнитивного подхода как «понимания и переживания сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф и др., 2004, с. 27]. Рассмотрим некоторые из концептуальных метафор, представленных в анализируемом материале.

1. DISCIPLE IS A CONTAINER.

(18) *The self-realized souls can impart knowledge unto you because they have seen the truth* [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 233].

Данная концептуальная метафора является частным случаем метафоры, основанной на схеме-образе: BEING IS A CONTAINER. Метафоры такого уровня отличаются наиболее высокой степенью схематичности и

сравнительно небольшой концептуальной глубиной [Kövecses, 2017]. Тем не менее, в данном случае представляется важным отметить тот факт, что здесь ученик концептуализируется как пассивный реципиент знания, задача которого – принять знание, которым его наполняют «узревшие истину».

2. DISCIPLIC SUCCESSION IS A CHAIN.

(19) *This supreme science was thus received through the chain of disciplic succession, and the saintly kings understood it in that way [Bhaktivedanta Swami, 1988, p. 193].*

В данном случае ученическая преемственность метафорически репрезентируется как непрерывная цепь передачи знания от учителя к ученику.

Таким образом, в результате лингвистического анализа были выявлен ряд способов, посредством которых актуализируется стратегия апелляции к авторитету в англоязычном интерпретирующем дискурсе. Разнообразие категорий апелляции и относительно широкий арсенал способов их дискурсивной актуализации свидетельствует о критической важности легитимации ценности ученичества в рассматриваемом дискурсе.

(Conclusion) Заключение

Подводя итог, важно отметить, что стратегия апелляции к авторитету широко представлена в англоязычном интерпретирующем дискурсе. Выявлено разнообразие способов актуализации данной стратегии, посредством которых реализуются практически все субстратегии, обозначенные Т. Ван Ливеном, за исключением апелляции к авторитету большинства. Этот факт свидетельствует о значимости категории легитимации для рассматриваемого дискурса и о регулярном возобновлении в данном дискурсе ценности апелляции к авторитету. Анализ способов актуализации стратегии апелляции к авторитету открывает перспективы для выявления и описания аксиологической интерпретанты в дискурсивных реализациях.

Библиографический список

- Болдырев Н. Н.* Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. №. 36. С. 43-53.
- Демьянков В. З.* Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН АН СССР. 1989. С. 13-40.
- Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации / О. Ю. Воронина, В. Е. Горшкова, Н. Н. Казыдуб [и др.]. Иркутск : Иркутский государственный университет. 2021. 285 с. DOI 10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285.
- Казыдуб Н. Н.* Аксиологическая перспективизация как инструмент дискурсивного конструирования // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2020. № 4 (54). С. 143-152.
- Карасик В. И.* Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56-77. DOI 10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77.

- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004. 556 с.
- Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон; перевод с английского А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. Москва : УРСС. 2004. 256 с.
- Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия ВГСПУ. Сер.: Филологические науки. 2014. № 5 (90). С. 41-46.
- Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (714). С. 72-83.
- Шарандин А. Л. Типы знаний в контексте теории интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики, 2017. № 3. С. 10-18.
- Якоба И. А. Эффективность медийного дискурса по критерию градации сил // Теория языка и межкультурная коммуникация. Эл. науч. ж. Курского гос. ун-та. Курск. 2018. № 4 (31). С. 216-225.
- House J. Text and context in translation // Journal of Pragmatics, 2006. Vol. 38. P. 338-358.
- KhosraviNik M. Macro and micro legitimation in discourse on Iran's nuclear programme: the case of Iranian national newspaper Kayhan // Discourse and Society. 2015. 26 (1). P. 52-73.
- Kolmogorova A. V. Discursive strategies of legitimating institutionalized values in educational settings: experience of Japan / A. V. Kolmogorova, A. V. Kozachina // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. 13 (12). P. 1985-1994. DOI 10.17516/1997-1370-0698.
- Kövecses Z. Language, Mind and Culture. Oxford. 2006. 397 p.
- Kövecses Z. Levels of metaphor // Cognitive Linguistics. 2017. № 28-2. P. 321-347. DOI: 10.1515/cog-2016-0052.
- Leeuwen T. Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis. Oxford, Oxford University Press. 2008. 184 p.
- Sidiropoulou M. Representation through translation: Shared maps of pragmatic meaning and the constructionist paradigm // Journal of Pragmatics. 2013. 53. P. 96-108.

Список источников иллюстративного материала

Bhaktivedanta Swami A. C. Bhagavad-gita As It Is. Bhaktivedanta Book Trust, 1988. 920 p.

References

- Boldyrev N. N.* (2019). Cognitive dominants of linguistic interpretation [Kognitivnye dominanty yazykovoy interpretatsii]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 36: 43-53. (In Russian)
- Demyankov V. Z.* (1989). The effectivenessya]. *Problemy effektivnosti rechevoy kommunikatsii*. Moscow: INION AN USSR: 13-40. (In Russian)
- House J.* (2006). Text and context in translation. *Journal of Pragmatics*. 38: 338-358.
- Karasik V. I.* (2016). Discursive manifestation of personality [Diskursivnoye proyavlenie lichnosti]. *Russian Journal of Linguistics*. 20(4): 56-77. DOI 10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77. (In Russian)
- Kazydub N. N.* (2020). Axiological perspectivization as a tool of discourse construction [Aksiologicheskaya perspektivizatsiya kak instrument diskursivnogo konstruirovaniya]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva*. 4(54): 143-152. (In Russian)
- KhosraviNik M.* (2015). Macro and micro legitimation in discourse on Iran's nuclear programme: the case of Iranian national newspaper Kayhan. *Discourse and Society*. 26(1): 52-73.
- Kolmogorova A. V., Kozachina A. V.* (2020). Discursive strategies of legitimating institutionalized values in educational settings: experience of Japan. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 13(12): 1985-1994. DOI 10.17516/1997-1370-0698.
- Kövecses Z.* (2006). Language, Mind and Culture. Oxford. 2006. 397 p.

- Kövecses Z. (2017). Levels of metaphor. *Cognitive Linguistics*. 28(2): 321-347. DOI: 10.1515/cog-2016-0052.i.
- Kubryakova E. S. (2004). Language and knowledge. On the way of understanding the language: parts of speech from the cognitive perspective. The role of language in understanding the world. [Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2004. 555 p. (In Russian)
- Lakoff G. (2004) Metafory kotorymi my zhivem [Metaphors we live by] / G. Lakoff, M. Johnson; translated from the English language by A. N. Baranov and A. V. Morozova; edited by A. N. Baranov; preface by A. N. Baranov. Moscow: *Editorial URSS*. 256 p. (In Russian)
- Leeuwen T. (2008). Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis. Oxford, *Oxford University Press*. 2008. 184 p.
- Plotnikova S. N. (2014). Discourse construction as a theoretical concept [Diskursivnoe konstruirovaniye kak teoreticheskoe ponyatiye]. *Izvestia VGSPU. Filologicheskie nauki* [Bulletin of VGSPU. Philological sciences]. 5(90): 41-46. (In Russian)
- Plotnikova S. N. (2015). Discursive technologies and their role in constructing the social world [Diskursivnye tehnologii i ih rol' v konstruirovanii sotsial'nogo mira]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. 3(714): 72-83. (In Russian)
- Sharandin A. L. (2017). Types of knowledge in the context of interpretation theory [Tipy znaniy v kontekste teorii interpretatsii]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 3: 10-18. (In Russian)
- Sidiropoulou M. (2013). Representation through translation: Shared maps of pragmatic meaning and the constructionist paradigm. *Journal of Pragmatics*. 53: 96-108.
- Voronina O. Y., Gorshkova V. E., Kazydub N. N. [et al.]. (2021). Dynamics and statics in understanding the being of language: approaches, phenomena, methods of representation. [Dinamika i statika v poznanii real'nosti yazyka: podhody, fenomeny, sposoby reprezentatsii]. Irkutsk: ISU Publishing House. 2021. 285 p. (In Russian)
- Yakoba I. A. (2018). Media discourse effectiveness: the gradation of power criterion [Effektivnost' mediynogo diskursa po kriteriyu gradatsii sil]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. El. nauch. zh. Kurskogo gos. universiteta* [Theory of language and cross-cultural communication. E. Sc. J. of Kursk State University]. 4(31): 216-225. (In Russian)

Sources

- Bhaktivedanta Swami A. C.* (1988). *Bhagavad-gita As It Is*. Bhaktivedanta Book Trust, 1988. 920 p.